

УДК 398

DOI 10.56525/AXFK2368

ТЮРКСКИЙ ЭПОС И ДРЕВНЕИРАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Мухаметзянова Л.Х.

Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, Казань,
Российская Федерация
e-mail: lilmuhat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия тюркского эпоса с древнеиранской литературой, а также выявляются точки соприкосновения между этими двумя крупными культурными традициями. Особое внимание уделяется влиянию тюркских племен на формирование литературного и культурного пространства древнего Ирана. Автор подчеркивает, что многие древнеперсидские письменные памятники могут рассматриваться как результат сложных процессов культурной ассимиляции и взаимовлияния, формировавшихся на протяжении многих веков.

На материале книжного героического эпоса «Кахарман Катил», широко известного среди татар, выявляются особенности синтеза тюркских и ирано-персидских эпических традиций. Через анализ сюжетных линий, мотивов и образов автор демонстрирует, что татарский вариант эпоса сохраняет многочисленные параллели с древнеиранскими источниками, включая знаменитый «Кахарманнаме». Сравнительный анализ показывает, что общность тематики, типология героев, структура эпических эпизодов и особенности художественного языка свидетельствуют о глубокой исторической связи между литературными традициями двух народов.

В статье отмечается, что тюркские племена, активно взаимодействовавшие с ираноязычным населением Ближнего Востока, внесли значительный вклад в формирование культурного облика региона. Это проявляется как в языке и терминологии, так и в характере описания военной культуры, быта, мировоззрения и религиозных представлений. Автор подчеркивает, что «Кахарман Катил» представляет собой не просто адаптацию древнеиранского сюжета, но и самостоятельный памятник татарской письменной традиции, вобравший в себя элементы тюркской мифологии, фольклора и исторической памяти.

Одним из ключевых аспектов исследования является сопоставление образов героев, прежде всего фигуры падишаха Хушана, с персонажами Авесты и других древнеиранских текстов. Проведенный анализ подтверждает, что татарский дастан сохраняет многочисленные архаические мотивы, восходящие к древним иранским мифологическим и эпическим представлениям, что делает произведение ценным источником для изучения процессов культурного синтеза.

Таким образом, статья раскрывает значимость тюркско-иранских литературных взаимосвязей, подчеркивает вклад тюркских народов в развитие письменной культуры Древнего Востока и демонстрирует потенциал дальнейших исследований в области сопоставительного изучения эпоса и древней литературы.

Ключевые слова: традиция, письменная культура, тюркский, татарский народ, эпос о Кахармане Катиле, древнеперсидский памятник «Кахарманнаме», взаимовлияние, сюжет, мотив, история.

Введение

Взаимодействие тюркской и иранской цивилизаций на протяжении тысячелетий является одним из наиболее значимых факторов, определивших культурный ландшафт Центральной Азии и Поволжья. Этот процесс, характеризующийся сложным синтезом кочевых традиций и оседлой городской культуры, нашел свое наиболее яркое отражение в

памятниках эпического наследия. Тюркский эпос и древнеиранская литература, несмотря на различия в генезисе, демонстрируют глубокие типологические сходства, обусловленные многовековым соседством, политическими союзами и общностью религиозных ценностей в исламский период. Особое место в этом контексте занимает дастан «Кахарман Катил» — уникальный памятник татарской книжной традиции, имеющий глубокие корни в древнеперсидском источнике «Кахарманнаме» (XI–XIII вв.). Данное произведение представляет собой не просто перевод или адаптацию иноязычного сюжета, а сложную художественную контаминацию, где архаические мифологические пласты, восходящие к «Авесте» и «Шахнаме», органично переплетаются с тюркским мировосприятием, бытом кочевников Дешт-и-Кипчака и мусульманской идеологией.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли тюркских народов в формировании культурного пространства Древнего Востока. Автор статьи ставит целью выявить точки соприкосновения двух традиций, проанализировать трансформацию образа идеального правителя на примере падишаха Хушана и доказать, что «Кахарман Катил» является продуктом уникального тюрко-иранского литературного синтеза, сохранившего в своей структуре эхо древних цивилизаций.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил текст татарского книжного героического дастана «Кахарман Катил» в сопоставлении с древнеперсидским эпическим памятником «Кахарманнаме», создание которого датируется XI–XIII веками. В качестве вспомогательных источников для выявления архаических пластов и мифологических параллелей были использованы священные тексты «Авесты», поэма Фирдоуси «Шахнаме», а также историко-географические сведения из записок путешественника XVII века Эвлии Челеби. Методологическую основу работы составляет сравнительно-типологический метод, направленный на выявление общности эпических сюжетов и образов в тюркской и иранской традициях. В статье также применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию художественных образов от древних мифологических представлений до их закрепления в татарской письменной культуре. С помощью контекстуального анализа лексических единиц и этнографических деталей выявлены специфические тюркские элементы в описании быта и военной культуры, интегрированные в канву иранского сюжета. Исследование опирается на комплексный подход, сочетающий филологический анализ текста с изучением историко-культурных процессов взаимодействия народов Поволжья, Средней Азии и Ближнего Востока.

Результаты исследования. Своими генетическими корнями эпос-дастан «Кахарман Катил» восходит к известному с древних времен персидскому источнику «Кахарманнаме» («Повествование о Кахармане»), создание и распространение которого относится к XI – XIII вв. [2, с. 277]. Литературно-мифологические сюжеты и мотивы, бытовавшие на территории Ирана, начиная с древнейших времен и на протяжении Средневековья оказывали влияние и на литературное наследие соседних народов; плодотворное воздействие охватывает довольно большой ареал и относится к литературе и фольклору соседних с Ираном народов. Влияние духовно-культурного плана не бывает односторонним, в процессе исторического развития тюркские и другие племена и сами внесли весомый вклад в литературу и культуру Ирана, именно поэтому древние персидские письменные памятники следует рассматривать как результат ассимиляции различных культур. На территории Ирана в X – XI вв. при участии иранских и тюркских элементов сформировалась новая культура, по истечении времени роль последних заметно возросла. Иранский эпос, обогатившись за счет тюркской культуры, на определенном этапе превратился в творчество, синтезировавшее в себе тюрко-иранские литературно-фольклорные традиции.

Иранский письменный источник «Кахарманнаме» возник и распространился в тот период, когда персидско-тюркский синтез в Иране уже давно сформировался. Популяризация этого письменного источника, скорее всего, происходила именно под влиянием тюрков. В начале X в. в восточных персидских землях правили тюркские династии Караханидов, Газнавидов, Сельджуков [8, с. 138 – 140]. В Караханидском государстве, например, в ту пору

процветала тюркоязычная мусульманская литература. В сюжетной типологии произведений выдающихся тюркских деятелей культуры эпохи Караханидов – Махмуда Кашгари, Юсуфа Баласагуни, Фирдоуси присутствует много общего и с ираноязычным «Кахарманнаме», и татароязычным «Кахарманом Катилем», что доказывает взаимопроникновение тюрко-иранских литературных традиций с давних времен в плане общих эпических мотивов, идеи, содержания, также композиционного сходства.

Главная причина популярности произведения у татарского народа – тесные литературно-культурные связи тюрко-татар и персов, уходящие корнями в далекое прошлое. Именно этот факт и определяет идейно-духовную близость персидского «Кахарманнаме» и татароязычного «Кахармана Катила». В тексте дастана использована лексика, связанная с географическими названиями мест обитания, образом жизни, бытом древних тюрков. Описание того, как герои дастана сооружали шатры, кочевали с места на место, как это было характерно для древних тюрков, как сражение на поле боя начиналось со схватки известных богатырей с обеих сторон, как в перерывах между столкновениями, расположившись с охранниками шатров, воины играли на домбре, описание оружия богатыря, как привязав коня к дереву, богатырь крепко засыпал, а к нему в тот момент подкрадывались враги – все эти элементы приближают эпос к действительности предков древних тюрков. Именно этими свойствами сюжет дастана, возможно, и привлекал татар, которые в своей исторической памяти также хранят военный дух кочевников. Персидский «Кахарманнаме» по духу был близок к жизни тюрков и тюркскому героическому эпосу.

Татары во все века, начиная с периода Булгарского государства, затем Золотой Орды и в период Казанского ханства поддерживали политические, дипломатические и культурные связи [6, с. 24 – 80] с Индией, Средней и Малой Азией, Ближним Востоком и, конечно, с Ираном. Несмотря на то, что иранский и тюрко-татарский фольклор не состоят в генетической связи, огромное влияние древних персидских источников на творчество народа – неоспоримый факт. Интерес народа к письменной культуре был велик, и, действительно, такое увлекательное, во многом соответствующее тюркским традициям произведение легко заинтересовало его просвещенных представителей. Персидский язык для татар в полном смысле слова был языком литературно-научного общения. Этим объясняется наличие у татар богатого письменного наследия на персидском языке, касающегося различных отраслей науки [3]. Поволжских татар с персами, принявшими ислам еще в VII в. под влиянием могучего Арабского халифата, сближало письменное эпическое творчество и единство религии. «Кахарман Катил» – героико-религиозный эпос, пронизанный мусульманской идеологией, и это обеспечило ему беспрепятственное распространение в Поволжье. В свете исламской религии в произведении ярко представлены тюрко-иранская мифология и фольклор, нашли отражение восходящие к древности административно-военные порядки. Большой интерес татар к письменному эпическому наследию обеспечило распространение у поволжских татар дастана «Кахарман Катила», который имел большое типологическое сходство с тюрко-татарским эпосом и полностью соответствовал традиционным религиозным взглядам народа.

В эпосе «Кахарман Катил» нашли отражение мотивы воспеания династий шахов и царей в соответствии с эпическими правилами Древнего Ирана. Эти мотивы легко подстраиваются под древнеиранские эпические каноны, соответствуют их духу. Некоторые важные моменты дастана «Кахарман Катил» невольно требуют обращения к архаическим истокам «Кахарманнаме», к которому восходит данный дастан. В этой связи важно напомнить, что древнеиранским эпическим традициям характерно большое влияние Авесты – священного текста персов.

Дух Мрака (Ангра-Майнью) и дух Света (Ахура-Мазда), составляющие содержание Авесты, борьба между соответствующими им мифологическими, философскими, космогоническими, физическими, нравственными и др. свойствами и атрибутами на определенном этапе в древнем иранском эпосе нашло довольно широкое отражение. Известный исследователь тюркского эпоса Х. Короглы говорил о необходимости рассматривать большинство сведений, зафиксированных в Авесте и других памятниках

древности, как нечто эпическое, фольклорное, ибо древняя Авеста – «не плод «божьих откровений», а, по утверждению большинства исследователей, опирающихся в основном на стиль произведения, авторское сочинение» [5, с. 54]. Здесь персонажи строго подразделяются, воплощая в себе начало Добра или Зла (противостояние Ахура-Мазды с Ангра-Майнью). Такое деление мира объясняется уровнем мировоззрения древнего человека, которое нашло отражение в народном творчестве. Мифологические и легендарные персонажи архаичного иранского эпоса занимают место в такой же дуальной классификации. В древнеиранском эпосе шахи и их верные богатыри, выступающие в ролях носителей Добра, борются с обладателями невероятной силы, носителями Зла – мифическими существами, например, Дивами и др. Но захватнические войны, миграция, ассимиляция, а позднее выход на арену тюркоязычных племен и их непосредственные отношения с древними иранцами привели к тому, что архаичный иранский эпос, выйдя из-под влияния Авесты, взял другое направление [5, с. 103].

В татарском «Кахармане Катиле» довольно большое место занимает образ умного и справедливого падишаха Хушана. Он очень схож с персонажем Авесты Хушангом (Хаошйангом). Это сходство не ограничивается лишь тождественностью имен. Хушанга из Авесты по велению Ахура-Мазды верно правил семью странами. Позднее понятие «семь стран» в народном творчестве иранцев и западных тюрков понималось как «весь мир» и в таком смысле вошло в словесное народное творчество и литературу. В знаменитом монгольском книжном эпосе о Гэсэре есть подобное сходство – Гэсэр правил десятью странами, в произведении так и говорится: «десяти стран света владыка» [7, с. 298]. Хушанга не только царь людей, но и обладатель необыкновенной неземной силы дивов, джаду (колдун, волшебник), он верно служит Ахура-Мазде, является обладателем титула паракхата, образованного от однокоренного с именем скифской мифической личности Паралат (Паралатас). В Авесте этот титул употребляется лишь по отношению к падишаху Хушанге. Как повествует Авеста, на протяжении сорока лет справедливого правления Хушанга истребил немало сил, противостоящих Истине – тех, кто служит Друджу (древнеперс. слово «друга»: означает «ложь»), и дивов Мазендарана (отражение в Авесте племен, живущих на территории к югу от Каспия и поклоняющихся дивам). Во многих текстах говорится, что Хушанга узаконил управление людьми падишахом, т.е. установил систему правления [1, с. 207]. Известно, что и в «Шахнаме» Фирдоуси есть персонаж по имени Хушанга Пишдадид. И в этом произведении он, как и Хушанга из Авесты, правит сорок лет, и эта эпоха в этом книжном героическом эпосе описывается как «золотой век человечества». Известно, что «Шахнаме» Фирдоуси создано также на основе Авесты и древних легенд, преданий и традиций иранского эпоса [10].

Хушан из татарского дастана «Кахармана Катила» – выходец из государства Синжак, его прославленный падишах. Он прославился своей справедливостью, умом и богатырской силой. Все падишахи земли, за исключением индийского, подчинялись ему. В эпосе о нем говорится: «Остерегаясь его готовности к войне, многие падишахи бежали как можно подальше, побросав все» [4, с. 117, цитата дана в переводе автора]. По приглашению персов, оставив вместо себя на троне сына Хайлана, Хушан восходит на персидский трон. Государство Синжак в дастане находится в нескольких днях пути от земли персов. Описывается, что в период правления на персидском престоле Хушана было сделано немало хорошего. Но главной его целью была победа над индийцами и установление здесь ислама. Хушан шах «с помощью Аллаха и персидского мощного, многочисленного войска в этой борьбе завоевывает победы, долгие годы справедливо правит и умирает».

Следовательно, и Хушанга из Авесты, и шах Хушан из дастана – повелители мира. Если герой Авесты выполнял все по велению Ахура-Мазды, то правление шаха Хушана происходит посредством исполнения предсказаний, касающихся повелений Аллаха. Как стороннику Ахура-Мазды для Хушанги характерны все положительные качества. Равный ему шах Хушан – также идеальный правитель. Известно, что будучи идеей, восходящей во многом к древнему Востоку, в тюрко-татарской литературе образ идеального правителя был чрезвычайно

популярен. Сходство всех положительных характеристик шаха Хушана из «Кахармана Катилы» с героем Авесты и даже сходство имен нельзя оценивать лишь как случайность.

Вышеприведенные параллели между татарским книжным эпосом и Авестой идут от архаичных персонажей персидского «Кахарманнаме», восходящего к древнеиранскому эпосу. Это в свою очередь доказывает то, что в основе произведения существует испытанный фольклорные контаминации пласт, восходящий к сюжетам и образам, которым несколько тысяч лет, т.е. к Авесте. Между тем татарская версия не придает особого значения тому, откуда родом и что из себя представляет шах Хушан, персонаж описывается с позиций новых идей и ценностей, популярных для Поволжья в период распространения дастана среди татар.

В дастане привлекает внимание еще одно удивительное сходство. Известный турецкий путешественник и писатель Аулия Челеби (сер. XVII в.) оставил следующие сведения, имеющие определенное отношение к вопросу о шахе Хушане: «По поводу древних гробниц города Сарая. Отметим, во-первых, что почитаемые гробницы членов общины Мухаммеда и прочих пророков находятся вне города, в стороне кыблы. Среди них прежде всего назовем древнюю гробницу Хушенг-шаха, находящуюся к югу от города, в земляном холмике, в отдалении от реки Волги. Ее почитают, говоря, что Хушанг-шах был пророком мусульманского населения этой страны и наряду с этим – других мусульман. Со всех четырех сторон она обнесена высокой стеной, точно крепость. Длина самой могилы – 70 шагов. В том конце, где голова, поставлен вертикально столб, который едва обхватят три человека. В том конце, где ноги – колонна из белого мрамора. На этой колонне имеется своеобразная надпись, словно печать, и древним письмом изложены все обстоятельства жизни покойного: «Я был падишахом, который правил 40 лет, благоденствовал 500 лет и первым водрузил корону себе на голову»[11, с. 126].

Известно, что Аулия Челеби, посетивший эту могилу и оставивший нам вышеупомянутые сведения в виде исторической легенды, путешествовал в степях Дешти Кипчак (Золотая Орда) в 1641 – 1642 и 1666 – 1667 гг. Сведения из этой легенды очень соответствуют духу дастана «Кахарман Катил» и образу шаха Хушана, вокруг которого сконцентрированы происходящие в произведении события. Эти сведения поднимают чрезвычайно интересные и спорные исторические проблемы, касающиеся широкого географического распространения в свое время тюркских племен.

А теперь попробуем свести в одно эти два предположения: нельзя полностью отрицать возможность того, что Хушанга из Авесты и шах золотордынских степей Хушан – одна и та же личность. В сказочно-мифологической части дастана «Кахарман Катил» упоминаются степи Хихатия. Аулия Челеби указывает, что Хихатия является синонимом Дешти Кипчака: «А во времена Чингис-хана во всех концах Дешти Кыпчака, т. е. Хейхат имелось 170 крупных городов. Ныне среди их руин разбивают свои стоянки и кочуют калмыцкие шахи – Тайша шах и Мончак шах с двумястами тысячами кочевых стойбищ. Все упомянутые города разрушил могучий Тимур-хан» [11, с. 127]. В свое время Дешти Кипчак занимал огромные территории. Дешти Кыпчак – территория от реки Иртыш до реки Дунай, от озера Балхаш, низовий реки Сыр-Дарья и Крыма до южных границ Волжской Булгарии и русских княжеств, по которым кочевали главным образом кипчаки. Эта территория обычно делится на Западный и Восточный Кипчак, в 1220-х гг. захвачена монголами, с 1240-х гг. – владение Золотой Орды [9, с. 172]. Заслуживает внимания тот факт, что в IX – X вв. и ранее на картах территории Ирана и Средней Азии обширные земли, начинающиеся от реки Сыр-Дарья, были обозначены словом Хихат. Очень возможно, что главный персонаж «Кахармана Катилы» шах Хушан мог быть прототипом личности, который на основе легенд превратился в падишаха Дешти Кипчака. Географический ареал и хронологическая глубина эпоса такую связь легко вбирает в свое содержание. То, что по сюжету эпоса шах Хушан является приглашенным в персидские земли знаменитым правителем, еще раз наталкивает на такую мысль.

Подытоживая, можно сказать, что наличие большого сходства шаха Хушана из «Кахармана Катилы» с персонажем Авесты падишахом Хушанга и шахом Хушаном, могила

которого была обнаружена в кипчакских степях, дает возможность более емко представить историческую и географическую масштабность эпоса. В то же время нельзя забывать, что в данном случае прославленный шах-победитель Хушан, использованный для претворения в жизнь идеи расширения границ влияния ислама, является эпическим персонажем. В какой бы степени ни был близок к древним письменным источникам или реальным историческим событиям шах Хушан из дастана – это очень реалистичный и в то же время условный образ. Тем не менее общность сюжета и мотивов татарского «Кахармана Катилы» с древним персидским эпосом и Авестой дает твердое основание говорить в пользу персидско-тюркских литературно-культурных связей с древних времен. Потенциал дальнейшей проработки и раскрытия темы о синтезе культур древнего Ирана, вне сомнения, высок и многообразен.

Заключение. Подытоживая, можно сказать, что наличие большого сходства шаха Хушана из «Кахармана Катилы» с персонажем Авесты падишахом Хушанга и шахом Хушаном, могила которого была обнаружена в кипчакских степях, дает возможность более емко представить историческую и географическую масштабность эпоса. В то же время нельзя забывать, что в данном случае прославленный шах-победитель Хушан, использованный для претворения в жизнь идеи расширения границ влияния ислама, является эпическим персонажем. В какой бы степени ни был близок к древним письменным источникам или реальным историческим событиям шах Хушан из дастана – это очень реалистичный и в то же время условный образ. Тем не менее общность сюжета и мотивов татарского «Кахармана Катилы» с древним персидским эпосом и Авестой дает твердое основание говорить в пользу персидско-тюркских литературно-культурных связей с древних времен. Потенциал дальнейшей проработки и раскрытия темы о синтезе культур древнего Ирана, вне сомнения, высок и многообразен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861 – 1996). Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. СПб.: Журнал “Нева” РХГИ, 1997. С. 466.
2. Брагинский, И. С. Литература Ирана и Средней Азии / И.С.Брагинский // История всемирной литературы. В девяти томах. Т. 2. – М.: Наука, 1984. – С. 248 – 277.
3. Гилязутдинов С. М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Казан: Фикер, 2002. 254 с.
4. Кахарман Катил: дастан. Казан: Татар. китап. нәшр., 1998. Б. 117.
5. Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.
6. Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика (Вопросы взаимосвязи и поэтики) Казань: Изд – во Казан. ун– та, 1993. С. 24 – 80.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 томах .Т. 1. / Гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1991. – С. 298. 719 с.
8. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань: ИЯЛИ, 2014. С. 138 – 140.
9. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1999. С. 172.
10. Шахнаме / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Шахнаме> (дата обращения: 25.02.2025).
11. Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII вв.). Вып. 2. М., 1979. 285 с.

THE TURKIC EPIC AND ANCIENT IRANIAN LITERATURE: POINTS OF CONTACT

Liliia Mukhametziyanova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation
e-mail: lilmuhat@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of interaction between Turkic epic and ancient Iranian literature, revealing points of contact between these two major cultural traditions. Special attention is paid to the influence of Turkic tribes on the formation of the literary and cultural space of ancient Iran. The author emphasizes that many ancient Persian written monuments can be viewed as the result of complex processes of cultural assimilation and mutual influence that developed over many centuries.

Using the material of the book heroic epic "Qaharman Qatil," widely known among the Tatars, the author identifies the features of the synthesis of Turkic and Iran-Persian epic traditions. Through analysis of plot lines, motifs, and images, the author demonstrates that the Tatar version of the epic preserves numerous parallels with ancient Iranian sources, including the famous "Qaharmannama." Comparative analysis shows that the commonality of themes, typology of heroes, structure of epic episodes, and features of artistic language testify to deep historical connections between the literary traditions of the two peoples.

The article notes that Turkic tribes, actively interacting with the Iranian-speaking population of the Near East, made a significant contribution to shaping the cultural character of the region. This is manifested in language and terminology, as well as in the nature of descriptions of military culture, daily life, worldview, and religious beliefs. The author emphasizes that "Qaharman Qatil" is not merely an adaptation of an ancient Iranian plot, but an independent monument of Tatar written tradition that has absorbed elements of Turkic mythology, folklore, and historical memory.

One of the key aspects of the research is the comparison of heroic images, particularly the figure of Shah Hushan, with characters from the Avesta and other ancient Iranian texts. The conducted analysis confirms that the Tatar dastan preserves numerous archaic motifs dating back to ancient Iranian mythological and epic representations, making the work a valuable source for studying processes of cultural synthesis.

Thus, the article reveals the significance of Turkic-Iranian literary interconnections, emphasizes the contribution of Turkic peoples to the development of written culture of the Ancient East, and demonstrates the potential for further research in the field of comparative study of epic and ancient literature.

Key words: tradition, written culture, Turkic, Tatar people, the epic of Qaharman Qatil, the ancient Persian monument «Qaharmannama», mutual influence, plot, motive, history.

ТҮРКІ ЭПОСЫ ЖӘНЕ ЕЖЕЛГІ ИРАН ӘДЕБИЕТІ: ОРТАҚ ТІЛ

Мухаметзянова Л.Х.

Ғ. Ибрагимов атындағы Тіл, әдебиет және өнер институты, Қазан,
Ресей Федерациясы
e-mail: lilmuhat@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада түркі эпосының ежелгі иран әдебиетімен өзара әрекеттесу мәселесі қарастырылады, сонымен қатар осы екі ірі мәдени дәстүр арасындағы байланыс нүктелері анықталады. Түркі тайпаларының ежелгі Иранның әдеби және мәдени кеңістігін қалыптастыруға әсеріне ерекше назар аударылады. Автор көптеген ежелгі парсы жазба

ескерткіштерін көптеген ғасырлар бойы қалыптасқан мәдени ассимиляция мен өзара әсердің күрделі процестерінің нәтижесі ретінде қарастыруға болатындығын атап көрсетеді.

Татарлар арасында кеңінен танымал "Кахарман Катил" кітап қаһармандық эпосының материалында түркі және Иран-Парсы эпикалық дәстүрлерінің синтезінің ерекшеліктері анықталды. Сюжеттік желілерді, мотивтер мен бейнелерді талдау арқылы автор эпостың татар тіліндегі нұсқасы ежелгі иран дереккөздерімен, соның ішінде әйгілі "Кахарманнамемен" көптеген параллельдерді сақтайтынын көрсетеді. Салыстырмалы талдау көрсеткендей, тақырыптың ортақтығы, кейіпкерлердің типологиясы, эпикалық эпизодтардың құрылымы және көркем тілдің ерекшеліктері екі халықтың әдеби дәстүрлері арасындағы терең тарихи байланысты көрсетеді.

Мақалада Таяу Шығыстың иран тілді тұрғындарымен белсенді қарым-қатынаста болған түркі тайпалары аймақтың мәдени келбетін қалыптастыруға айтарлықтай үлес қосқаны атап өтілген. Бұл тілде де, терминологияда да, әскери мәдениетті, өмірді, дүниетанымды және діни идеяларды сипаттау сипатында көрінеді. Автор "Кахарман Катил" ежелгі иран сюжетінің бейімделуі ғана емес, сонымен қатар түркі мифологиясының, фольклорының және тарихи жадының элементтерін қамтитын татар жазба дәстүрінің тәуелсіз ескерткіші екенін атап көрсетеді.

Зерттеудің негізгі аспектілерінің бірі-кейіпкерлердің бейнелерін, ең алдымен Падишах Хушан фигурасын Авеста мен басқа да ежелгі ирандық мәтіндердің кейіпкерлерімен салыстыру. Жүргізілген талдау татар дастаны ежелгі ирандық мифологиялық және эпикалық идеялардан бастау алатын көптеген архаикалық мотивтерді сақтайтынын растайды, бұл шығарманы мәдени синтез процестерін зерттеудің құнды көзі етеді.

Осылайша, мақала түркі-иран әдеби байланыстарының маңыздылығын ашады, түркі халықтарының ежелгі Шығыстың жазбаша мәдениетін дамытуға қосқан үлесін атап көрсетеді және эпос пен ежелгі әдебиетті салыстырмалы зерттеу саласында одан әрі зерттеу әлеуетін көрсетеді.

Түйін сөздер: дәстүр, жазбаша мәдениет, түркі, татар халқы, Кахарман Катил туралы эпос, "Кахарманнаме" ежелгі парсы ескерткіші, өзара әсер, сюжет, мотив, тарих.